

РЕМ КАЗАНДЖЯН

СОВЕТСКО—КЕМАЛИСТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1920 г. И ВОПРОС АРМЕНИИ В СВЕТЕ СЕКРЕТНЫХ ДОКУМЕНТОВ МОСКОВСКИХ АРХИВОВ

История советско—турецких (советско—кемалистских) отношений 1920—1921 гг., являющихся в те годы важным фактором международных отношений на Ближнем Востоке, уже тогда, по ряду причин, искажалась официальной пропагандой России, Турции и Армении, что не могло в последующем не отразиться на историографии вопроса. С другой стороны, строгая засекреченность многих документов того времени, в том числе внутренней переписки партийных и государственных деятелей, не позволяла выявить подлинные мотивы этих отношений.

Абсолютно не претендуя на исчерпывающее освещение рассматриваемой проблемы, автор имеет целью привлечь внимание читателя к выявленным в последние годы новым документам из некогда секретных архивов.

После Октябрьской революции 1920 год явился поворотным во взаимоотношениях между Россией и Турцией, с одной стороны, и Россией и Арменией — с другой, что было обусловлено целым рядом факторов и не в последнюю очередь тем, что с установлением в конце апреля 1920 г. в Азербайджане Советской власти Россия территориально вплотную подошла к Армении, а также Турции, в связи с чем перед ней со всей неизбежностью встал целый ряд вопросов, требующий неотложного решения.

Как прямой результат этого взаимная неприязнь Республики Армения и России, вызванная западной ориентацией первой и большевистским режимом второй, и категорический отказ их признавать друг друга сменились для второй необходимостью признания де-факто Первой республики, как соседнего с советскими странами государства. Тем более, что в тот период Россия, вследствие мировой и гражданской войн, была слишком слаба, чтобы продолжать конфронтацию с образовавшимися в мае 1918 г. закавказскими буржуаз-

ными суверенными государствами, и, кроме того, намеревалась использовать территорию Армении для транзита в Турцию. “Перед нами встанет также вопрос об Армении, — писал народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин В. И. Ленину 28 апреля 1920 г. — Она как раз у нас на пути, и надо будет добиться того, чтобы она хотя бы не мешала нам. (...) Надо будет добиться такого отношения к нам Армении, чтобы она нам не противодействовала. Ей также мы должны будем давать хлеб. Вопрос о договоре с Арменией встанет таким образом очень скоро”¹.

С другой стороны, в лице кемалистов советское руководство видело “прогрессивный и демократический элемент в мусульманстве”, а потому считало, что “вовлечение турецких националистов в поток демократических движений на Востоке чрезвычайно усиливает наше (т. е. России — Р. К.) положение” и “сильно продвигает вперед наше разрешение восточных вопросов”², каковые обстоятельства выдвигали кемалистскую Турцию в отдельные периоды чуть ли не на главную роль, как союзника³ большевиков в восточной политике последних. Кроме того, в правительственных кругах считали, и не без оснований, что “... их (кемалистов — Р. К.) гибель может повести к временному, но чрезвычайно сильному развитию самого реакционного панисламизма и фанатизма, с заострением против нас”, т. е. России, и что “объявление священной войны с султаном во главе против нас в случае победы этих реакционных элементов над кемалистами, может подвергнуть и Баку (тогда уже советский — Р. К.) и вообще наше положение на юго-востоке новым серьезным испытаниям”⁴. Поэтому, как не раз впоследствии отмечал Чичерин, “наше тогдашнее сближение с национальной Турцией было и для последней и для нас актом самосохранения”⁵. Более того, именно исходя из всех этих соображений Политбюро ЦК РКП (б) в конце июля 1920 г. согласилось с предложением Чичерина, что “советизация Армении (Россией — Р. К.) настоятельно необходима”, т. к. “без нее у нас нет настоящего контакта с Турцией”, а “гибель кемалистов нанесла бы нам сильнейший удар на Востоке”⁶ (в первой декаде августа того же года данное решение, однако, было отменено).

И тем не менее следует отметить, что в рассматриваемый период советско-турецкие отношения, как явствует из многочисленных архивных документов того времени, не были столь “дружественными и братскими”, как считается до сих пор. Еще в марте 1920 года Политбюро ЦК РКП (б) приняло к руководству предложение Чичерина о том, что “ислам, как и всякая церковь, его традиции и его идеология ... враждебны нам в международной области ... Про-

тивоположность большевизма и панисламизма стала уже фактом международным ...”, а поэтому “... к панисламизму мы должны относиться, как к враждебной силе, с которой возможны такие же временные сделки, как с какой-нибудь эстонской или польской буржуазией, и не больше”; и далее — “мы не можем рассчитывать на длительный союз с силою, по существу нам враждебною, и мы себя можем только компрометировать попытками таких союзов, при которых мы политически всегда окажемся обманутою стороною и принципиально придадим силы реакционной идеологии”, в силу чего “мы должны с большею осторожностью... взвешивать каждый свой шаг, когда мы имеем дело с мусульманским миром и, в частности, панисламизмом”⁸.

Более того, кардинальные взаимоисключающие расхождения позиций большевиков и кемалистов в целом ряде принципиальных вопросов, в том числе относительно Армении, со всей определенностью выявились уже с первых же дней установления советско-турецких отношений, когда в своем первом обращении к В. И. Ленину от 26 апреля 1920 года Кемаль-паша сообщал, что они “... принимают на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши операции с российскими большевиками...” и, в частности, предлагал, что “если советские силы предполагают открыть военные операции против [буржуазной] Грузии... и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа”, то “Турецкое Правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить [буржуазную] Азербайджанскую Республику войти в круг советских государств”. Ленин не ответил (!). Вместо него наркоминдел Чичерин в ответном письме констатировал, что РСФСР стоит на точке зрения предоставления “... Турецкой Армении ... права самим определить свою судьбу...” и что “Советское Правительство надеется, что дипломатические переговоры позволят Великому Национальному Собранию [Турции] установить между Турцией, с одной стороны, и Арменией ... — с другой, точные границы, которых требуют справедливость и право народов на самоопределение”, — и ни словом о предложении турок своими силами советизировать Армению¹⁰.

О не столь “дружественных и братских” отношениях в рассматриваемый период свидетельствует также письмо Чичерина в Политбюро ЦК РКП (б) от 28 июня 1920 г., из которого явствует, что советская сторона всячески оттягивала выдачу туркам оружия — вплоть до того, что даже стали опасаться, что дальнейшее “... промедление, после данных обещаний, заставит Мустафу Кемалю смотреть на нас (т. е. на Россию и большевиков — Р. К.), как на болту-

нов и обманщиков, а что еще существеннее, революционная Турция может быть раздавлена, между тем как помощь, незначительная, с точки зрения даже наших слабых ресурсов, имела бы и практически и морально большое значение”¹¹. В связи с этим 29 июня Политбюро принимает решение поручить заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому и замнаркома индел РСФСР Л. М. Карахану “достигнуть завтра же соглашения по вопросу о Турции и Афганистане”¹². Однако в тот же день Чичерин обращается к Ленину с новым письмом, которым было приостановлено рассмотрение вопроса об оказании туркам помощи: “По мнению Наркоминдела для окончательного решения вопроса о передаче туркам оружия, — говорилось в нем, — надо подождать приезда в Ангору тов. Элиавы¹³ и получения от него нами первых донесений”, и далее — “Только непосредственно через нашего представителя нам возможно будет достаточно выяснить себе положение, чтобы принять решение о том, можем ли мы выполнить наше обещание передачи оружия туркам или же это оружие пойдет прямо или косвенно на борьбу против нас (! — Р. К.)”¹⁴. В том же документе указывается на “... бесконечные проволочки (со стороны РСФСР ! — Р. К.) в наших переговорах с турками и постоянные отсрочки отъезда нашего представителя в Ангору” (Анкару)¹⁵, что еще раз подтверждает нашу мысль о не столь “дружественных и братских” отношениях между Россией и Турцией в затрагиваемый период.

Положение не изменилось и в последующем. Лишь 7 августа 1920 г., судя по протоколу совместного заседания представителей наркоматов иностранных дел и внешней торговли РСФСР и Реввоенсовета Республики, с одной стороны, и официальной делегации кемалистов, с другой, в советских руководящих кругах приступили к рассмотрению просьбы турок о помощи, однако в качестве первоочередной задачи постановили не более как “установить минимум (! — Р. К.) тех военно-технических материалов, без которых в настоящее время Турция абсолютно не может обойтись”¹⁶, что скорее было предпринято для отвода глаз, нежели имело целью решение вопроса. По крайней мере, в письме от 12 августа того же года на имя В. И. Ленина Г. В. Чичерин, прося его о приеме “сильно настаивающей на том” турецкой правительственной делегации и “не оскорбить их отказом” (!), отмечал, что “в других отношениях мы очень плохо идем им навстречу” и в случае отказа в приеме данное обстоятельство “окончательно убедило бы (кемалистов — Р. К.) в крайней холодности нашего отношения к ним”¹⁷.

* Здесь и ниже все подчеркивания произведены нами.

Правда, после приема делегации Лениным (14 августа 1920 г.) в вопросе об оказании помощи туркам наметился некоторый прогресс, но ненадолго и не в объеме запрашиваемого ими, в связи с чем Чичерин в письме Ленину от 28 сентября того же года обращал внимание последнего на “замечающееся разочарование кемалистов (имеется в виду турецкое руководство вообще — Р. К.), вызванное недостаточностью и запоздалостью нашей помощи”¹⁷. Днем позже, 29 сентября, еще не зная¹⁹ о начале турецкого наступления на Армению²⁰, пленум ЦК РКП (б), в работе которого участвовали В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, К. Б. Радек, А. И. Рыков, Л. Д. Троцкий и др., постановил “оказать фактическую помощь деньгами и оружием кемалистам”, а относительно ассигнования золота — “в принципе одобрить, о деталях и размере поручить сговориться с т. Крестинским (секретарем ЦК РКП (б) — Р. К.)”²¹.

Из приведенных документов, таким образом, следует, что первая, незначительная партия оружия была послана правительством РСФСР Турции в период между серединой августа и концом сентября 1920 г.²². Причем заранее было оговорено, что оно предназначается “для западного фронта” кемалистов²³, т. е. не должно было быть направлено против армян. Вторая такая партия должна была быть предоставлена в первой половине октября того же года, когда в Москве ошибочно еще полагали, что турки “ограничатся линией Сарыкамыш — Шахтахты” (подробно о последнем см. ниже). Однако по получении сведений о крупномасштабных военных действиях Турции против Армении эта партия оружия была приостановлена в пути²⁴ и выдана им только в середине декабря, когда прекратилась турецко-армянская война и Армении со стороны турок уж более ничто не угрожало²⁵, о чем еще в начале ноября 1920 г. указывалось в советских директивах: “Нашу будущую помощь туркам ставим в зависимость от приостановки их наступления на Армению”, “мы продолжаем давать туркам оружие только в том случае, если они, первое, прекратят наступление”, заключат “перемирие с Арменией”²⁶. Впрочем, даже после того, как Армении уже ничто не угрожало со стороны Турции, в российских правительственных кругах полагали, что “возобновление отпуски (туркам оружия — Р. К.) не очень желательно”²⁷. Что же касается золота, то оно было передано министру иностранных дел Турции Бекиру Сами в Москве лишь в середине ноября 1920 г., но затем в пути также отобрано и “постепенно” возвращено начиная с середины декабря, по прекращении военных действий турок²⁸.

Справедливости ради следует, однако, отметить, что в те годы, отчасти вследствие недостаточности развития коммуникаций,

многие вопросы, параллельно с действиями Центра, решались на местах, в соответствии со сложившейся обстановкой и зачастую без ведома и даже вопреки планам правительства²⁹. К числу последних относится также факт передачи Турции руководством дислоцированных в Закавказье российских частей летом 1920 г., в ответ на обращение к ним турецкого командования, оружия и золота из собственных запасов и без ведома Москвы: "Мы рассматриваем XI армию, — говорится в донесении ее командования Центру в конце июня — начале июля 1920 г., — как основной стратегический резерв революционного движения на Востоке", а потому сочли необходимым "по собственной инициативе" и "без соответствующих директив" оказать Турции помощь³⁰. На то же указывает также телеграмма полномочного представителя РСФСР в Армении Б. В. Леграна от 7 августа 1920 г. на имя Г. В. Чичерина, в которой, в частности, говорится, что "армейское командование (российских войск в Закавказье — Р. К.) вместо выполнения прямых указаний полученной директивы³¹ выступает с самостоятельной политикой, противоречащей нашей (т. е. РСФСР — Р. К.) общей политической линии"³².

Впоследствии российское руководство, поставленное перед свершившимся фактом, засчитало предоставленное советским командованием оружие и золото в общий итог оказанной Турции помощи, что и породило ложное мнение о передаче правительством РСФСР последней летом 1920 г. большой партии оружия и золота.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы, характеризующим тогдашнее состояние советско-турецких отношений, является позиция правительства РСФСР в вопросе армяно-турецких отношений, когда одна из сторон выступает как союзница Антанты, а другая — в качестве приверженца России.

Выше мы уже говорили, что РСФСР считала себя в определенном смысле правопреемницей бывшей Российской империи, в силу чего не должна была и не могла оставаться равнодушной к экспансионистской политике кемалистской Турции по отношению к Армении. Тем более, что после майских событий 1920 г. в Армении и Грузии было очевидно, что ситуация в этих государствах может повториться, и в таком случае круг советских республик, несомненно, расширится, что в свою очередь неминуемо приведет к усилению советского строя как в целом, так и в каждой отдельной стране.

В соответствии с данной концепцией правительство РСФСР в июле 1920 г. обязало кемалистское руководство отказаться от плана нападения на Армению³³. "Мы надеемся, — телеграфировал в том же месяце Чичерин Г. К. Орджоникидзе, — что и в дальней-

шем нам удастся предотвратить продвижение турок в пределы Армении. Наша миссия в Турции ставит своей задачей энергично потребовать у турецкого правительства отказа от каких-либо военных действий на бывших русско-турецких границах"³⁴. Более того, когда летом того же года кемалисты предложили РСФСР начать совместные военные действия против Республики Армении в районе Нахичевана, им дали понять, что "не дело турок ... определять, куда и в каком количестве мы должны идти"³⁵.

Такой же позиции российское руководство придерживалось и на первой московской советско-турецкой конференции в июле-августе 1920 г., когда потребовало передать буржуазной Армении часть территории Турецкой Армении³⁶: тогда из-за отказа Турции удовлетворить это требование Россия не согласилась подписывать с нею договор о дружбе и братстве³⁷. (Кстати, в этот период, как и в последующем, на второй московской советско-турецкой конференции в феврале-марте 1921 г., правительство РСФСР, по свидетельству Чичерина, "тщательно избегало слова «союз»" и "систематически отказывалось" ввести его в заголовок русско-турецкого договора, на чем упорно настаивали кемалисты³⁸).

Однако во второй половине августа 1920 г., когда, с одной стороны, подписанное РСФСР с Арменией Соглашение от 10 августа, по определению Чичерина, "герметически отделяло" первую от Турции и "делало невозможным" "всякий контакт" с нею³⁹, а с другой стороны — армянское правительство категорически отказывалось предоставить России транзит в Турцию, чем создавалась определенная угроза существованию кемалистов, а стало быть и дополнительные трудности для советского государства, находящегося в состоянии войны с Антантой, — в этих условиях российское руководство, в целях открытия коридора между обеими странами, столь жизненно необходимого в тот период для них, согласилось с предложением турок временно занять последними полосу Сарыкамыш — Шахтахты, имея в виду, что "оно может сделать дашнаков вообще более сговорчивыми" в вопросе транзита⁴⁰. При этом в советских кругах полагали, что линия Сарыкамыш — Шахтахты есть "приблизительно пограничная" и "не угрожает (! — Р. К.) независимости Армении"⁴¹, равно как, что, возможно, "турки бравируют и ничего не займут, а если займут и начнется резня, вмешаемся мы и прекратим"⁴². Впрочем, вскоре, когда Турция еще не начала военные действия против Армении, в Москве от этого плана отказались, о чем поставили в известность кемалистов: "Предложения Карабекира в данный момент несвоевременны, — говорилось в срочной телеграмме Г. В. Чичерина Б. В. Лигану от 17 сентября 1920 г., —

обстановка не благоприятствует, пусть он в настоящее время воздерживается от таких действий"⁴³.

Начавшееся 28 сентября 1920 г.⁴⁴ турецкое наступление на Армению, о котором в Москве стало известно лишь в первых числах октября, в российских правительственных кругах, вследствие недостаточности информации⁴⁵, поначалу восприняли как осуществление кемалистами упомянутого выше плана занятия полосы Сарыкамыш — Шахтахты. Тем не менее часть российского руководства была склонна считать, что во избежание ответных действий Запада необходимо "передать туркам решительное предостережение против продвижения внутрь Армении, ибо это вызовет вмешательство Антанты"⁴⁶. В противовес данной точке зрения И. В. Сталин считал такой подход к вопросу "неподходящим". "Полагаю, — писал он И. В. Ленину, — что продвижение турок льет воду на нашу мельницу"⁴⁷. Однако возобладала первая точка зрения. "По поводу турецкого наступления, — говорилось в директивах советского правительства от 5 октября представителю РСФСР в Закавказье Г. К. Орджоникидзе, — прежде всего имейте в виду, [что] мы... ни в коем случае не должны быть вовлекаемы в военные действия. Свяжитесь возможно скорее с кемалистами, укажите — мы считаем несвоевременными и опасными операции, которые могли бы спровоцировать правительства Антанты. Употребите все усилия, чтобы предотвратить возможность таких столкновений. Убедите кемалистов воздержаться от военных операций, простирающихся дальше предусмотренных ранее (имеется в виду полоса Сарыкамыш — Шахтахты — Р. К.). Считайтесь с невозможностью в настоящее время военного вмешательства в Армении... Будьте крайне осторожны в ваших сношениях как с кемалистами, так и с армянами и грузинами, чтобы не дать вовлечь нас в активные действия. Систематически проводите мирную политику, чтобы не допустить серьезного кризиса в Закавказье"⁴⁸.

Аналогичной позиции несогласия с действиями Турции в отношении Армении правительство РСФСР придерживалось и в последующем. "Мы должны исходить из того, что... всякий кризис в Закавказье для нас абсолютно нежелателен. Мы должны выступать абсолютно как миротворцы для успокоения борющихся элементов и для предотвращения кризисов. Турецкое наступление может сыграть провокационную роль по отношению к Антанте. (...) Вообще все, что может служить успокоением, должно быть нами поддерживаемо. При Ваших сношениях с дашнаками отвечайте им категорически, что мы вовсе не желаем, чтобы Армении был на-

несен какой—либо ущерб. Мы готовы поэтому, если дашнаки пожелают, выступить в качестве посредников”, — писал Чичерин полномочному представителю РСФСР в Армении Б. В. Леграну 9 октября⁴⁹. То же он повторил и в телеграммах Леграну от 12 октября⁵⁰ и в Тифлис Л. Н. Старку от 14 октября для сообщения Леграну: “Чичерин просит передать Вам следующее: по поводу турецкого наступления имейте в виду, что мы ни в коем случае не должны быть вовлекаемы в военные действия. Свяжитесь с кемалистами, укажите им — мы считаем несвоевременными, опасными военные операции, которые могут провоцировать Антанту. Будьте крайне осторожны в сношениях с кемалистами, также армянами, чтобы не дать возможность вовлечь нас в активные действия. Систематически проводите мирную политику, чтобы не допустить серьезного кризиса в Закавказье. Укажите армянам [на] нашу готовность быть посредниками между ними и кемалистами”⁵¹.

Днем раньше Чичерин вновь связывается с Орджоникидзе: “Надо указать кемалистам, что с их стороны крайне неосторожно давать повод Антанте для десанта в этих местностях, ибо Антанта может [по]желать ухватиться за такой случай. Надо по мере возможности устранять кризисы на Кавказе”⁵².

На основании этих директив Орджоникидзе 14 октября дает указание ответработникам посольства РСФСР в Грузии Л. Н. Старку и С. И. Кавтарадзе: “Если есть какая—нибудь возможность, сообщите командованию кемалистов, что Чичерин настаивает на том, чтобы кемалисты не двигались вперед”⁵³. Спустя два дня от последних был получен ответ, что—де «они имели в виду только занятие территории от Карса до Ардагана (?! — Р. К.), населенной мусульманами», и “дальше идти не собираются, если армяне не будут проявлять активность”⁵⁴, однако такое объяснение не удовлетворило советское руководство. “Если имеете контакт с турками, — телеграфировал Чичерин российским представителям в крае, — указывайте, что их наступление на Карс и Ардаган и их приближение к Батуму играет провокационную роль, создавая повод для наступательных действий Англии и для захвата [ею] Батума”⁵⁵.

19 октября Чичерин вновь телеграфирует Орджоникидзе: “Продолжение турецкого наступления [на Армению] крайне нецелесообразно. Постарайтесь убедить их не делать этого. Они сами наносят этим вред, ибо только провоцируют вмешательство Антанты, создавая повод. Имеются сведения о попытках Антанты втянуть Грузию и Армению против нас в связи с планом наступления на Баку. Продвижение турок вглубь Армении создает для этого поч-

ву⁵⁰. При этом глава внешнеполитического ведомства России не исключал, что, может быть, “турки вряд ли пойдут дальше”, но на всякий случай считал необходимым рекомендовать “об этом не делать никаких заявлений, чтобы не ошибиться (! — Р. К.)”⁵⁷.

Весьма характерна также позиция правительства РСФСР в этот период в отношении Армении, что особенно ярко проявилось в директивах Г. В. Чичерина советскому представителю в Армении Б. В. Леграну от 26 и 29 октября 1920 г.: “Иностранные радио сообщают, — говорилось в первом из них, — будто бы Вы представили Армении ультиматум. Мы не должны выступать с угрозами. Это противоречит нашей линии. Мы должны выступать как миротворцы. Нынешнее состояние наших сил в Закавказье также не позволяет нам выступать угрожающе. Подчеркивайте, что мы миротворцы, заявляйте правительству (Армении — Р. К.) и в печати, что мы не угрожаем. Подчеркивайте, что у нас нет союза с турками (! — Р. К.), но что мы желаем воспользоваться нашим влиянием в целях умиротворения. Исходя из этого, мы предлагали и продолжаем предлагать посредничество. Одновременно требуем от Армении прекращения союза с Антантой, но не в форме ультиматума или угрозы. Это есть условие для каких бы то ни было дружественных актов с нашей стороны. На таких же основаниях требуем свободного транзита через Армению для товаров в запечатанных вагонах, но речь идет именно о товарах, а не о войсках. Невозможно требовать свободного прохождения наших войск через Армению, да это и бесцельно при нынешнем состоянии наших сил в Закавказье. Ноту Армянскому правительству представьте именно в таком духе. Мирное предложение услуг, а не угрозы. Требование транзита и разрыва с Антантой свяжите с нашими мирными услугами, не вводя никаких угроз или ультиматумов”⁵⁸. О том же говорилось и во втором документе: “Как общеполитические соображения, так и наше стратегическое положение и состояние наших военных сил заставляют нас вести в Закавказье осторожную политику миротворцев, стараться улаживать и устранять всякие конфликты и кризисы и воздерживаться от слишком резкого обострения вопросов. (...) Нам не следует выступать с ультиматумами, т. е. с угрозами. Это не соответствует нашему военному положению на Кавказе и это противоречит жизненным требованиям нашей политики вообще, как и в местном масштабе. Наша политическая физиономия не должна искажаться грозными ультимативными выступлениями. (...) Как раз в период турецкого продвижения вперед нам еще важнее (! —

Р. К.) воздерживаться от такого рода воинственных выступлений, чтобы не могло казаться, будто бы мы в союзе с ними открываем военные действия. Лучше тянуть со всеми текущими вопросами в Армении, чем вызывать там кризис в отношениях с ней. Конечно, нам очень важно достигнуть транзита через Армению и очень важно оторвать ее от Антанты, но нельзя пытаться достигнуть этой цели грозными воинственными выступлениями. Наше требование транзита и изменения ориентации Армении надо повторять постоянно, но в форме дружелюбной. Предлагая посредничество между Арменией и Турцией, вполне целесообразно его обуславливать изменением ориентации Армении и предоставлением нам права транзита. (...) Если такая более мягкая постановка вопроса поведет к более затяжному положению, это все-таки лучше, чем выступление в грозной форме перед общественным мнением всех стран⁵⁹.

Судя по письму Чичерина Лиграну от 5 ноября 1920 г., за отсутствием достаточных и достоверных сведений⁶⁰ российскому руководству "в данный момент ... еще не ясно, наступают ли турки на почве советской ориентации с целью приближения к нам или же они наступают на почве перемены своей политики и закулисного соглашения с Антантой, для того, чтобы начать завоевательную политику на Кавказе по образцу 1918 г. в качестве компенсации за потери на Западе". "Эта неясность, — пишет далее Чичерин, — заставляет нас быть сугубо осмотрительными. В то же время эта опасность (! — Р. К.) заставляет нас серьезно считаться с возможной ролью Армении и Грузии, как барьера против наступательной политики турок"⁶¹.

На первых порах не внесло ясности в данный вопрос и прибытие 1 ноября И. В. Сталина в Баку, командированного по решению пленума ЦК РКП (б) с целью "упорядочить всю нашу (т. е. России и большевиков — Р. К.) политику на Кавказе и на Востоке"⁶². По крайней мере 3 ноября, не разобравшись в обстановке, он телеграфировал Чичерину: "Об угрозах (со стороны Турции — Р. К.) по отношению к Армении и Грузии не слыхал", и далее — "Предупреждаю, во-первых, что слухи о размерах наступления турок преувеличиваются агентами Антанты преднамеренно, почему к слухам следует отнестись спокойно"⁶³. 5 ноября в телеграмме из Баку на имя В. И. Ленина и Г. В. Чичерина Сталин и Г. К. Орджоникидзе подтверждали "отсутствие какой бы то ни было связи с правительством Кемалля" и что из находящихся в Баку ответработников "ни Элиава (полпред РСФСР в Турции — Р. К.), ни Комитет действия (имеется в виду образованный в сентябре 1920 г. на съезде народов Востока Коми-

тет пропаганды и действия — Р. К.) не сумели добиться установления связи с Турцией, представители Кемаля, сидящие в Баку, тоже оторваны от Кемаля”, а посланные в Турцию лица “до сих пор не удовлетворяют требованиям связи, между тем как ясно, что оставаться в неведении о делах Турции в настоящее время, когда позиция Кемаля может измениться в невыгодном для нас направлении, нельзя”⁶⁴. Они также констатировали, что кроме как сообщений грузинской миссии в Баку и “армянских источников”, “других источников, заслуживающих полного доверия, у нас нет”, и рекомендовали, как “абсолютно необходимый” шаг, “немедленную отправку в Турцию полномочных лиц с целью рекогносцировки и информирования Москвы в срочном порядке”⁶⁵. В тот же день Сталин направил Ленину новую телеграмму, в которой обращал его внимание на то, что “положение в Турции не ясно, оно может стать опасным, если состоится соглашение Кемаля с Антантой, ибо нейтрализация Кемаля облегчит поход Антанты на Баку”, одновременно подчеркивая необходимость “тщательной разведки и выяснения положения в Турции”⁶⁶.

В этой сложной обстановке и условиях неведения, равно как противоречивости поступающих в Москву сведений и в силу ряда других причин, правительство РСФСР в первый период турецко—армянской войны 1920 г. не предпринимало никаких активных действий к приостановлению турецкого наступления, разве что во избежание обострения обстановки на Кавказе и, в частности, по отношению к Армении, пыталось морально воздействовать на Турцию в целях прекращения ею военных действий. Еще “не решено, — писал Чичерин Леграну 5 ноября, — как далеко идти в наших требованиях, если мы возьмем на себя посредничество, и как далеко идти в ответственности, которую мы можем на себя взять. Тут примешиваются и политические и специальные военные соображения. Надо выяснить, насколько мы сильны, и надо выяснить, насколько наша общая политика и роль в ней турецких националистов может осложниться решительным выступлением против последних (! — Р. К.) в случае принятия Арменией наших требований”⁶⁷.

Однако уже 6 ноября 1920 г., по мере того, как правительству РСФСР становилось ясно об истинных мотивах турецкого наступления, в его политике по отношению к Армении происходит резкий поворот в сторону последней. “Турки заявляют, что хотят—де освободить Армению от дашнаков. Это жульничество (! — Р. К.). Надо приостановить передачу им оружия”⁶⁸, пока не заключат перемирия” с Арменией, — говорилось в записке Чичерина Леграну от 7 ноября⁶⁹. Тогда же в разговоре по прямому про-

воду с Леграном Чичерин вновь подтвердил точку зрения правительства на развивающиеся события: “Турки выпустили воззвание о том, что освобождают Армению от дашнаков. Итак, они намереваются захватить всю Армению. Чтобы этому помешать (! — Р. К.) комиссия Мдивани⁷⁰ должна ехать к туркам немедленно (! — Р. К.) ... Поэтому мы послали комиссии Мдивани телеграфный мандат и письменные мандаты дошлем курьером”⁷¹.

Впрочем, такой поворот дела не исключался еще в начале турецкого наступления: “Пока турки не продвигаются вглубь Армении, пока турки остаются на линии Сарыкамыш — Шахтахты, нет особенного [повода] для вмешательства, — говорилось в телеграмме Чичерина Леграну от 5 октября, — но если они пойдут дальше, придется что-нибудь сделать”, и далее — “Армения за последнее время все больше превращается в орудие наступательной политики Антанты, но мы не можем позволить ее раздавить”⁷². Представитель Центра в Закавказье Г. К. Орджоникидзе, в свою очередь, также поднимал в этот период вопрос о необходимости “обеспечить Армении нашими войсками неприкосновенность со стороны Турции”⁷³.

В начале ноября, в соответствии с новым курсом, российским руководством были намечены два пути решения проблемы. “... Надо вопрос решить политически, — телеграфировал Чичерин Сталину в Баку 6 ноября 1920 г., — мы считаем, что Вам надо решить вопрос на месте. Есть две возможности, максимальная, спасти Армению ценой ее советизации... другая возможность минимальная, требовать за наше посредничество транзита и откола Армении от Антанты, аннулирования ее договора (имеется в виду Севрский договор⁷⁴ — Р. К.). Обе возможности базируются на принятых эвентуально постановлениях”⁷⁵. Полагаем, что Вам надо принять решение немедленно. Посредничество, значит посылать войска, ибо если не будет войска, будут посылать любезные ответы, но делать по-своему, а если будет хоть один красноармеец, турки его не тронут. Надо быстро действовать, пока Антанта не влезла”⁷⁶.

8 ноября Чичерин вновь обращает внимание Сталина на то, что “нельзя терять ни минуты, ввиду напряженности положения”⁷⁷. Днем позже Сталин отвечает, что “основная слабость — отсутствие связи и проверенных сведений” и что “если Александрополь будет взят”⁷⁸, наиболее вероятной считаю комбинацию о максимальных требованиях”, т. е. советизацию Армении. “Во всяком случае, — продолжал в той же телеграмме Сталин, — придется действовать по обстановке... Одно несомненно: нужно немедленно двинуть воинские части к границам Армении и при необходимости войти с

ними в Эривань”⁷⁹. На это Москва ответила, что “занятие Эривани или даже всей Армении может, конечно, оказаться необходимым, и эта возможность предусматривалась ... Также и для предотвращения поголовной резни оно может оказаться необходимым. Действовать придется может быть быстро. (...) В данный момент главное иметь наготове некоторые силы у границ Армении, чтобы моментально их двинуть, если понадобится”⁸⁰. Однако известие о падении Александрополя заставило представителей Центра в Закавказье принять меры еще до того, как был получен ответ Москвы. “В связи с наступлением Кемалья на Армению вероятнее всего, что нам придется вмешаться для спасения Армении (! — Р. К.), — телеграфировал Орджоникидзе члену Реввоенсовета Кавказского фронта В. А. Трифонову. — Может быть придется советизировать [Армению] ... Такой приказ фронт может получить от Главкома через несколько дней. Поговори с Гиттисом (командующий Кавказским фронтом — Р. К.) и сообщи, что можно перекинуть. Жду ответа”⁸¹.

Тем не менее, как свидетельствуют архивные документы, правительство РСФСР в этот период старалось в качестве первой своей задачи использовать вариант переговоров с Турцией. 11 ноября, в связи с обращением к нему Армении с просьбой о помощи, оно срочно известило по радио руководство Турции, что “принимает на себя посредничество и с этой целью отправляет в район военных действий полномочного представителя”, подчеркнув при этом, что “рассчитывает, что дальнейшие военные действия будут приостановлены”⁸². “Когда турки останутся, — разъяснял Чичерин в разговоре по прямому проводу с Леграном, — остальное будем обсуждать исподволь”⁸³. Тогда же в телеграмме главы российского внешнеполитического ведомства Сталину сообщалось, что “в наших (т. е. РСФСР — Р. К.) условиях посредничества надо предлагать временное занятие турками тех местностей, которые они заняли, окончательное же установление государственной границы между Турцией и Арменией должно быть поручено той же смешанной комиссии с нашим участием, которая должна будет определить территорию Турецкой Армении”⁸⁴, из чего следует, что в рассматриваемый период правительство РСФСР намеревалось потребовать от Турции не только освобождения территории первой Армянской Республики, но и, по крайней мере, части Турецкой Армении.

Одновременно были приняты меры к вооруженной защите Армении от дальнейшего посягательства турок. “... Сталин и Орджоникидзе настаивают на немедленной отдаче директивы XI армии о сосредоточении частей армии в районе Казаха для движения на Эривань, — сообщал член РВС Кавфронта Трифонов главкому воо-

руженных сил России С. С. Каменеву и заместителю председателя РВС Республики Э. М. Склянскому в ночь на 11 ноября. — Такая поспешность объясняется взятием турками Александрополя. Приказ армии о сосредоточении частей, по их мнению, должен быть отдан не позже завтрашнего II/XI утра⁸⁵. В ответ главкомом в тот же день были даны указания Сталину: “По политическим соображениям весьма возможна необходимость занять нашими частями Эривань, для чего теперь же должна быть принята соответственная группировка 11 армии с целью сосредоточить ударную группу в районе Казаха. Дабы быть готовыми [к] этой операции, приказываю теперь же отдать соответственные распоряжения⁸⁶. Но пока это были всего лишь подготовительные работы: “О дальнейших действиях последует особая директива, без которой ничего фронту предпринимать нельзя”, — предупреждал главком⁸⁷.

Имея в виду, что “перемирие между турками и армянами не состоялось и военные действия возобновились”, Чичерин 15 ноября телеграфировал Сталину: “убедительно просим сообщить нам точно о положении и вообще нас информировать непосредственно. Положение серьезно, нужен ежедневный контакт. (...) Когда мы получили известие о заключении перемирия, я сообщал Вам, что в результате мы должны влиять уже на заключение окончательного мира между Турцией и Арменией и что мы должны настаивать на транзите для нас через Армению, на предоставление установления окончательной турецко—армянской границы смешанной комиссии с нашим участием. Но повидимому перемирие не состоялось, и мы должны опять прилагать усилия к прекращению военных действий⁸⁸. В тот же день Сталин и Орджоникидзе сообщают Мдивани, что по всей вероятности “англичанам не удалось еще приручить кемалистов”, и хотя “этот вывод нужно тщательно проверить на месте”, советуют пока не ссориться с Кемалем и не требовать немедленного отвода турецких войск к границе 1914 г., а “ограничиться созданием смешанной комиссии с нашим большинством по вопросу об отводе турецких войск”; одновременно запрашивают, “не согласятся ли турки отвести войска при условии советизации Армении и предоставления им Батумского округа с тем, чтобы Батум был открыт для нас и для турок вместе?”⁸⁹.

Продвижение турок вглубь Армении привело советское руководство еще к одному, важному для него выводу: создавалась угроза захвата ими советского Баку — не только столицы союзной России республики и важного в те времена стратегического пункта на Востоке, но и богатого нефтеносного района. Выше мы уже говорили, что в создавшейся ситуации Москва рассматривала Армению и

Грузию “как барьер против возобновления наступательной политики турок” по образцу 1918 г. То же подтвердил и Сталин в телеграмме Ленину от 16 ноября по озакомлении на месте с положением дел: “Опасность может угрожать Баку с трех сторон. (...) Вторая опасность: опасность со стороны Турции, если Турция утвердится в Армении и получит общую границу с Азербайджаном (!! — Р. К.). Для предотвращения этой опасности, — советовал Сталин, — нужно использовать нынешнюю ситуацию, советизировать Армению, нужно вклиниться армянским советским клином между Турцией и Азербайджаном”⁹⁰. 23 ноября в разговоре по прямому проводу с Лениным Сталин еще раз подчеркнул, что приближение кемалистской Турции к границам советского Азербайджана “особенно опасно” и “угроза со стороны турок Азербайджану растет изо дня в день”, и “турки при желании могут занять всю Армению без труда”⁹¹. Представитель Москвы в Закавказье Г. К. Орджоникидзе, в свою очередь, также подтверждал, что в связи с продвижением турок вглубь Армении “обстановка становится довольно сложной” и грозит “большой кавказской войной”, что требует от РСФСР во что бы то ни стало “сейчас же врезаться клином” между Турцией и Азербайджаном, т. к. “эти трудности ... могут еще более ухудшиться, если Дилижан будет занят турками”⁹² (в те дни турецкие войска уже были на подступах к Караклису).

Таким образом, сохранение Армении становилось для российского руководства, помимо прочего, важной стратегической задачей. Тем более, что в этот период стал более явственной проявляться отход Турции от “дружественного и братского союза” с Россией — так, что 30 ноября В. И. Ленин и И. В. Сталин по поручению Политбюро ЦК РКП (б) даже запрашивали своего спецпредставителя в Турции Буду Мдивани (П. Г. Мдивани), “можно ли считать, что кемалисты пока еще не отошли от нас к Антанте”, дав директиву “разоблачать двуличие кемалистов”⁹³.

В соответствии с указанными исходными положениями и ввиду крайней срочности и важности вопроса, советское правительство еще 7 ноября 1920 г., т. е. до официального извещения о принятии обязанностей посредника, уполномочило Буду Мдивани, Дж. Коркмасова и Б. Шахтагинского “вести переговоры и заключить соглашение с представителями турецкого национального правительства по вопросу о приостановки военных действий между Турцией и Арменией”⁹⁴. 11 ноября оно вновь телеграфно подтвердило полномочия первого из них по данному вопросу⁹⁵. 25 ноября, в связи с несколькими изменившимися обстоятельствами, были подтверждены полномочия остальных “на ведение переговоров с Правительством Армянс-

кой Демократической Республики и Большого⁹⁶ Национального Собрания Турции по вопросам, вытекающим из современного военно-политического положения между обоими Государствами, а равно принимать по соглашению с уполномоченными этих последних правительств меры, могущие повести к восстановлению мирных взаимоотношений между Армениею и Турциею⁹⁷. Командированный на Кавказ член Политбюро ЦК РКП (б) и представитель РВС Республики Сталин, в свою очередь, торопил Мдивани “выехать в Карс немедленно, не дожидаясь возвращения” и доклада ранее посланного в Турцию делегата, и обязывал его “в день раз по крайней мере сообщать сведения ... о делах в Турции, Армении⁹⁸. При этом, как явствует из телеграммы Г. В. Чичерина Г. К. Орджоникидзе от 26 ноября, для советского правительства “особенно важным” оставалось требование, “чтобы армяно-турецкое разграничение было передано смешанной комиссии при нашем участии⁹⁹”.

Однако тем временем события в Армении стали развиваться по совершенно другому сценарию, крайне затруднившему Мдивани связь с Баку и Москвой: по требованию турецкой стороны армяно-турецкие переговоры были начаты в Александрополе¹⁰⁰. В связи с этим 24 ноября в 5 ч. утра Мдивани, изменив маршрут, был уже в Александрополе, в 11 ч. встретился с главой турецкой делегации, командующим Восточным фронтом Карабекиром, от которого узнал, что его не допускают к переговорам: “Он (Карабекир — Р. К.) сообщил, — телеграфировал Мдивани в тот же день Сталину и Орджоникидзе, — что Ангорское правительство считает наше (т. е. российское — Р. К.) посредничество излишним, так как армяне приняли все условия турок”, и что “он получил предписание из Ангоры вести переговоры непосредственно только с армянами¹⁰¹. Вследствие этого Мдивани не мог быть в курсе дел относительно хода александропольских армяно-турецких переговоров и влиять на них¹⁰² и уже 28 ноября телеграфировал своему руководству: “Все, что можно [было] сделать здесь в Александрополе, мною сделано. Дальнейшее мое пребывание здесь считаю излишним...”, хотя и предупреждал при этом, что “столь назревшие вопросы не позволяют дальше ждать”¹⁰³.

В сложившейся обстановке и имея в виду крайне тяжелые требования, предъявляемые Турцией Армении на Александропольских переговорах, советскому руководству ничего иного не оставалось, как идти на ее советизацию, оговорив последнее условиями, что “внутренняя советизация Армении не [по]требует присутствия русских войск в Армении” (телеграмма В. И. Ленина и И. В. Сталина от 30 ноября 1920 г. по поручению Политбюро ЦК РКП (б)

на имя Г. К. Орджоникидзе и П. Г. Мдивани)¹⁰⁴. В тот же день Чичерин обратился в Политбюро ЦК РКП (б) с письмом, в котором предлагал послать Мдивани директивы “удерживать их (турок — Р. К.) от завоевания оставшейся еще незанятой части Армении”. “После того, как мы пошлем тов. Мдивани эти директивы, — продолжал в том же письме Чичерин, — нам нужно будет выработать те предложения, которые мы сделаем туркам. (...) Мы полагаем, что в договоре с турками надо будет гарантировать независимость Грузии и Армении, причем границы последней будут определены смешанной комиссией с нашим участием, включая и необходимую часть турецкой Армении”¹⁰⁵. Спустя несколько дней, 3 декабря, Чичерин дополняет свое обращение в Политбюро новым письмом: “Турки от нас ожидают дальнейшей помощи вооружением и золотом, и мы, таким образом, имеем еще могущественный способ воздействия на них. (...) Мы могли бы обещать туркам возобновление нашей помощи, если они удалятся из Армении. Надо иметь в виду, что Карс есть ключ к Баку ... Независимость некоторой части Турецкой Армении следует по-прежнему добиваться, но не ультимативно, чтобы это не было камнем преткновения для дружественных отношений с турками”¹⁰⁶.

Из всего сказанного со всей неоспоримостью, таким образом, следует, что со стороны правительства РСФСР, при всех ошибках и просчетах, ни разу не было совместных с Турцией действий против первой Армянской республики и попыток уничтожить последнюю как государство и что с самого начала оно было против турецкого наступления и экспансии армянских земель. “Никаких наступательных операций с нашей стороны против Армении не было и нет”, — подтверждал Г. К. Орджоникидзе в депеше на имя советника советского диппредставительства в Эривани О. И. Силыня от 17 ноября 1920 г.¹⁰⁷

В то же время не исключаем, что есть доля правды и в словах полпреда РСФСР в Армении Б. В. Леграна, высказанных в его телеграмме Г. В. Чичерину от 28 ноября 1920 г.: “У нас нет ничего похожего на определенную линию в армяно-турецком вопросе и мы плетемся в хвосте событий”¹⁰⁸, что требует дальнейшего исследования.

THE SOVIET-KEMALIST RELATIONS IN 1920 AND THE QUESTION OF ARMENIA UNDER THE LIGHT OF SECRET DOCUMENTS IN MOSCOW ARCHIVES

On the basis of many documents, in general then top secret archives of the former USSR, the most part of which circulates first time, in a given paper there are opened formerly the unknown pages of the Soviet-Turkish relations, which reject being till today mythos about the "friendship and brotherhood" relations between Soviet Russia and Kemalist Turkey and their so called common actions against bourgeoisie Armenia as an Entente's ally.

Elucidating in the paper documents testify about extremely negative attitude of the Russian government to the Kemalists' expansionist policy and intervention in Armenia in 1920, as well as the practic steps of the Soviet leadership on the defense of Armenia against the Turks and hindering of them to the boundaries of Soviet Azerbaijan as a threat of the capture of Baku by the Turks.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный государственный архив документов общественных и политических организаций Республики Армения (ЦГАДОПО РА), ф. ЦК КПСС, д. 44-3/3-а, л. 7. Справедливости ради, однако, следует признать, что до подписания с Арменией тифлисского соглашения от 10 августа 1920 г. этот принцип зачастую нарушался, что, видимо, было обусловлено также тем, что правительство РСФСР, по всей вероятности, рассматривало Закавказье в качестве территории бывшей Российской империи, на которую распространяется ее юрисдикция как правопреемницы.
2. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 126, 145; ф. 5, оп. 2, д. 315, лл. 252-253.
3. Согласно доктрине большевиков, "победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, "трещины" между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочно-го, ненадежного, условного" (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, с. 55). В этой связи см. также РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2054, л. 5; ф. 17, оп. 3, д. 64, л. 1.
4. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 145.
5. Цит. по: Документы внешней политики СССР. Т. IX. М., 1964, с. 116. То же было заявлено Г. В. Чичериным также и на XIV съезде ВКП (б)

- (1925 г.), впервые опубликованном в 1991 г. — ж. “Кентавр”, М., 1991, октябрь—декабрь, с. 122—123.
6. Архив внешней политики Российской Федерации МИД РФ (АВП РФ), ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 33; РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 99, л. 1.
 7. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 25, л. 140; ф. 85, оп. 109, д. 15, л. 97.
 8. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2054, л. 5 (то же: оп. 2, д. 314, л. 2) ; ф. 17, оп. 3, д. 64, л. 1. Полный текст док. опубл.: Ռիմ Ղազարյանի, Բնիշխիկները և նրիւրըրըրըրը, Ереван, 1998, с. 15—17.
 9. АВП РФ, ф. 132, оп. 3, п. 2, д. 1, л. 11 (Цит. по: А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны. М., 1964, с. 107. То же: Г. Б. Гарибджанян, Е. К. Саркисян. К вопросу о характере национально-освободительной войны в Турции в 1919—1920 г. — ж. “Вестник архивов Армении”, 1982, № 3, с. 163). Официальная публикация письма Кемалья-паши В. И. Ленину от 26 апреля 1920 г. осуществлена без данного абзаца — ж. “Международная жизнь”, М., 1963, № 11, с. 147—148, публикация Г. С. Шишмаревой.
 10. Цит. по: Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958, с. 554—555. Другие публикации документа содержат стилистические различия в его тексте: газ. “Правда”, 1920, 9 июня; Ю. В. Ключевский и А. Сабанин, Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Вып. I, М., 1928, с. 26—27; Мустафа Кемаль, Путь новой Турции. Т. III, М., 1934, с. 299—300; Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. I, М., 1944, с. 455—456; ж. “Международная жизнь”. М., 1958, № 2, с. 152.
 11. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 314, с. 12.
 12. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 8.
 13. Ш. З. Элиава (1883—1937) — партийный и государственный деятель. 8 июня 1920 года постановлением Политбюро ЦК РКП (б) был назначен полпредом РСФСР в Турции, однако в течение целого года по разным причинам ни разу не был в стране аккредитации, а посольство прибыло в Анкару только в ноябре 1920 г., что также свидетельствует о состоянии советско-турецких отношений тех лет (РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 361, л. 9; ф. 5, оп. 2, д. 315, лл. 20—21; ф. 17, оп. 3, д. 86, л. 4; д. 101, л. 1; д. 141, л. 1 и др.).
 14. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 332, л. 3.
 15. Там же, л. 1.
 16. АВП РФ, ф. 0132, оп. 3^а, п. 102, д. 1, л. 6.
 17. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15016, л. 1.
 18. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2055, л. 20.
 19. Как явствует из многочисленных документов того времени, связь между Москвой и Закавказьем и, в частности, Арменией, находилась в крайне неудовлетворительном состоянии. Еще в конце июля 1920 г. в телеграмме С. М. Кирову (Тифлис) для Б. В. Леграна Г. В. Чичерин признавался: “Нас сейчас очень затрудняет недостаток связи с Вами. Тщетно пытаемся наладить ... телеграфную связь”. В сентябре—октябре он вновь сетует на плохую связь: “Мы страшно оторваны и от Тиф-

лиса и от Эривани, телеграф действует отвратительно, телеграммы задерживаются по неделям и часто совсем не доходят. Радио посылать прямо в Тифлис мы не можем, приходится посылать окружным путем, через Саратов, и мы не уверены в их дохождении и передаче нашему представительству. Сношения с Эриванью по радио совсем не налажены", "контакт с Вами очень плох, не знаю, как быть с Вами, если не будут приезжать от Вас специальные посыльные во Владикавказ", "информация от Вас получается отрывочная, по большей части искаженная так, что нам далеко не все ясно" и т. д., и т. п. (РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 24, 173, 283, 316 и др.). Я уж не говорю о том, что по свидетельству Чичерина в Москве получали диаметрально противоположную информацию: "Наш кратковременный опыт на Кавказе, — писал глава внешнеполитического ведомства 10 августа, — отличается тем, что мы по одному и тому же вопросу получаем диаметрально противоположные версии", "вообще нет вопроса, по которому не было бы диаметрально противоположных версий" (там же, лл. 312—313).

20. Судя по всему, о начале турецкого наступления на Армению в Москве стало известно не раньше 4—5 октября 1920 г. (см. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15621; ф. 17, оп. 3, д. 111, л. 1).
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 36, лл. 1—2, 4.
22. Рассчеты произведены по: Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 109, оп. 3, д. 72, л. 425; ф. 33988, оп. 2, д. 290, л. 212; АВП РФ, ф. 0132, оп. 3^а, п. 102, д. 1, л. 6; ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 42; РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 2002, л. 1; д. 5578, л. 2; ф. 64, оп. 1, д. 21, 209, 211, 212, 278 и др.
23. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 221.
24. См. также ссылку 68.
25. АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 6; РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 290, лл. 192; РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 459, л. 1; ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278; ф. 558, оп. 2, д. 1, лл. 1—2; Документы внешней политики СССР. Т. III, М., 1959, с. 374, 380. Признавая "важность для нашей общей политики наших отношений с турецкими националистами", РСФСР, тем не менее, даже после прекращения турецко—армянской войны (2 декабря 1920 г.) и установления в Армении Советской власти продолжала еще некоторое время отказывать Турции в выдаче оружия, что, согласно записки И. В. Сталина в Политбюро ЦК РКП (б) от 10 декабря 1920 г., привело к "раздражению турок и порче отношений с ними" и послужило, как явствует из резолюции Л. Д. Троцкого, причиной снятия запрета (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15016, л. 1; ф. 558, оп. 1, д. 2018, л. 1; РГВА ф. 33988, оп. 2, д. 290, лл. 192, 199).
26. АВП РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 42; РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 209, 211, 212; ф. 558, оп. 1, д. 2002, л. 1.
27. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 49, л. 18.
28. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278; ф. 558, оп. 1, д. 1992, л. 1; Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 374.

29. На эту особенность указывает также известный английский историк Алан Буллок в своем исследовании "Гитлер и Сталин": "После Гражданской войны во многих обширных районах России местные ... власти взяли в привычку действовать по собственному усмотрению" (А. Буллок. Гитлер и Сталин. Пер. с англ. Т. I. Смоленск. 1998, с. 168). Применительно к закавказской действительности в этом плане представляют интерес сборник документов "Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927". (М.: РОССПЭН. 1996. С. 134—135 и др.); исследование акад. Г. А. Аветисяна (см. Г. А. Аветисян, Э. Л. Даниелян, А. А. Мелконян. История Армении, Ереван, 1999, с. 211—212); труды проф. М. А. Персица "Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920—1921 гг." (М., 1999, с. 130—151 и др.), известного московского ученого Н. Ю. Ульченко (С. Ф. Орешкова, Н. Ю. Ульченко. Россия и Турция. Проблемы формирования границ. М., 1999, с. 93—134) и ряд других.
30. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 25, л. 162. В этой же докладной отмечается, что с их стороны "помощь (турецкому командованию в ответ на их обращение — Р. К.) не могла быть полной, ибо ресурсы армии ограничены и с трудом покрывают свои потребности".
31. По всей вероятности, имеется в виду утвержденная на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 7 июля 1920 года "Инструкция членам РВС Кавказского фронта и нашим дипломатическим представителям в Грузии, Армении и Турции" (РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 78, лл. 9—12. Оpubл. по тексту оригинала: Рем Казанджян. К предыстории самоопределения Нагорного Карабаха. М., 1996, с. 35—38).
32. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 61—62. Ср. "Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927." М., 1996, с. 134—135, 141; "Независимая газета", 2000, 27 декабря, статья С. В. Константинова.
33. Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. Пер. с турецк. М., 1996, с. 100.
34. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 17, лл. 56—63.
35. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 1.
36. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 526, л. 1; ф. 5, оп. 2, д. 314, л. 68; ф. 85, оп. 14, д. 26, л. 6.
37. Документы внешней политики СССР. Т. II, с. 726—727; т. III, с. 667.
38. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 526, лл. 1—3; ф. 5, оп. 1, д. 2117, лл. 1—2.
39. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 290, л. 195; РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 25, л. 72.
40. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 158.
41. Там же, лл. 158, 173—174..
42. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 25, л. 244.
43. АВР РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 28.
44. В литературе и периодической печати указываются разные сроки начала турецко-армянской войны 1920 г. (подробно см. Է. Ա. Չնիրարյան, Մոլիտաշվան Առաքելյանը և հայ-թուրքական հարաբերությունները, Ереван, 1979, с. 160—162). В нашей статье за основу начала войны взята

дата, указанная в ноте правительства Армении на имя Г. В. Чичерина от 30 сентября 1920 г., согласно которой "турецкие национальные силы перешли в общее наступление" против Первой республики "с 28 текущего сентября" (Центральный государственный исторический архив Республики Армения (ЦГИА РА), ф. 200, оп. 1, д. 486, ч. II, л. 270; АВП РФ, ф. 148, оп. 3, п. 2, д. 6, л. 34), что подтверждается также рядом других документов того времени (ЦГАДОПО РА, ф. 4047, оп. 1, д. 670, лл. 2, 3; д. 671, лл. 1, 2; д. 673, л. 1; ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 602, лл. 2, 400; АВП РФ, ф. 148, оп. 3, п. 2, д. 9, л. 4; РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 149; ф. 85, оп. 14, д. 16, лл. 3–4 и др.). То же подтверждают также и турецкие источники (напр.: Cemal Kutay, Karabekir Ermenistani nasil yok etti? "Tarih Konuşuyor", İstanbul, 1956, s. 38–39 – цит. по: Հինգրուշ Խորշորաշի. Հայաստանի րաժանուրը 1920 թվականին. Ереван, 2002, с. 172). Более того, в документах правительства РА за 23–27 сентября 1920 г., в отличие от последующего периода, ни разу не упоминается о турецкой агрессии, из чего, на наш взгляд, следует заключить, что отдельные случаи вооруженных конфликтов на границе с Арменией в период до 28 сентября рассматривались правительством последней не более как пограничные стычки (инциденты), что имеет принципиальное значение для правильного понимания и оценки событий и документов того времени.

45. "Наши сношения с Леграном крайне затруднительны, – телеграфировал Чичерин 26 октября 1920 г. полномочному представителю РСФСР в Грузии А. Л. Шейнману. – Много не доходит. Из полученной только что от него курьерской экспедиции видно, что ряд депеш от него к нам и от нас к нему не дошли. (...) Сообщите, как нам лучше всего сноситься с Эриванью. Можем ли мы посылать Вам наши депеши для передачи в Эривань Леграну. Укажите Леграну лучший путь для его депеш к нам" (АВП РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 18). (См. также ссылку № 19 настоящих Примечаний).
46. Цит. по: С. Тарасов, А. Чечевешников. Одиссея младотурка. //г. "Век", М., 1999, № 12, 26 марта – 1 апреля.
47. Там же.
48. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 15, л. 2.
49. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 173–174.
50. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 2.
51. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 179.
52. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 15, л. 3.
53. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 18, л. 1.
54. АВП РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 68.
55. АВП РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 19. То же: РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 4.
56. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 15, л. 5.
57. АВП РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 20. То же: РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 3.

58. АВР РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 19. То же: РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 4.
59. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, п. 21, лл. 192—193.
60. См. ссылки №№ 19 и 45 настоящих Примечаний.
61. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 200. См. также там же, ф. 558, оп. 1, д. 2004, л. 8; оп. 2, д. 25, лл. 1—2.
62. РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 34, л. 3; оп. 3, д. 111, л. 1; ф. 85, оп. 15, д. 40, лл. 1—2.
63. АВР РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 71.
64. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5575, лл. 1—11. То же: д. 5224, лл. 1—2.
65. Там же.
66. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 1987, л. 1.
67. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 199.
68. К этому времени выдача туркам оружия была приостановлена, о чем Чичерин, видимо, не знал, т. к. операция производилась по линии другого ведомства. По крайней мере в телеграмме от 6 ноября 1920 г. командующий Кавказским фронтом В. М. Гиттис и член РВС того же фронта В. А. Трифонов докладывали заместителю председателя РВС Республики Э. М. Склянскому: "Ко времени получения Вашей телеграммы (т. е. не позже 6 ноября, а стало быть раньше 7-го — Р. К.) одна партия артгруза, предназначенная для турецкой миссии, прибыла уже в Туапсе и приказано было ее вернуть обратно" (РГАСПИ, ф. 64. Документ предоставлен нам С. А. Абрамяном, которому выражаем нашу благодарность).
69. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 209.
70. Речь идет о П. Г. Мдивани (Буду Мдивани) (1877—1937), которого Чичерин в письме члену Политбюро, секретарю ЦК РКП (б) Н. Н. Крестинскому характеризовал следующим образом: "Он не обладает мировым политическим кругозором, это деятель кавказский, но Ближний Восток он знает великолепно" (РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 314, л. 15).
71. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 213.
72. Там же, л. 284. См. также там же, ф. 85, оп. 14, д. 17, л. 1.
73. АВР РФ, ф. 0209, оп. 1, п. 1, д. 10, л. 74.
74. В отличие от Запада с его несбывшимся планом передачи Армении неполных 4 вилайетов, РСФСР в рассматриваемый период предлагала передать Армении 3 вилайета: Ванский, Битлисский и Мушский.
75. Имеется в виду постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 14 октября 1920 г. Подробно по данному вопросу и, в частности, относительно фальсификации содержания положенного в основу указанного постановления письма Г. В. Чичерина от 12 октября в примечаниях к Полному собранию сочинений В. И. Ленина см. нашу публикацию в ж. "Вестник Ереванского университета", 2001, № 3, с. 66—69.
76. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 205.
77. АВР РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321^а, д. 54875, л. 12.
78. Александрополь (нынешний Гюмри) пал 7 ноября 1920 г., о чем 8 ноября еще не знали в Баку, где тогда находился Сталин.

79. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 1992, лл. 2–8. То же: ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 220.
80. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 1992, л. 10.
81. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 32, лл. 2–3.
82. АВП РФ, ф. 0207, оп. 1, п. 1, д. 3, л. 15. Опувл.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сб. док. Ереван, 1957, с. 422; Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 325.
83. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 207.
84. АВП РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 78. См. также РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278; ф. 558, оп. 2, д. 83, л. 1 (то же: АВП РФ, ф. 0209, оп. 1, п. 1, д. 10, л. 104).
85. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 72, л. 438.
86. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 284, л. 271.
87. Там же. В соответствии с данными указаниями Центра командующим Кавказским фронтом В. М. Гиттисом, членом ВРС Кавфронта В. А. Трифоновым и начальником штаба фронта С. А. Пугачевым в тот же день была дана директива командованию XI армии, повторяющая приказ Главкома (см. РГВА, ф. 195, оп. 3, д. 192, л. 6. Опувл.: ж. "Вестник архивов Армении", 1978, № 1, л. 61). Разрешение на проведение операции было дано 16 ноября 1920 г. (РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 284, л. 294).
88. АВП РФ, ф. 148, оп. 3, п. 2, д. 9, л. 12.
89. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5579, л. 2 с об. О содержании данной телеграммы в тот же день было сообщено В. И. Ленину и Г. В. Чичерину (РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5211, л. 1; д. 5582, лл. 1–3).
90. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 1999, л. 3. То же: там же, оп. 2, д. 25, лл. 1–2.
91. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 2004, лл. 8, 10.
92. Там же, лл. 1, 4.
93. РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 82, лл. 1–2. Согласно пометке Сталина на документе, данная телеграмма была послана "после переговоров по телефону между Лениным, Троцким, Сталиным, Каменевым".
94. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 314.
95. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 20, л. 1.
96. Так в тексте, должно быть "Великого".
97. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 25, лл. 2, 3.
98. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3311, лл. 1–2; д. 3312, л. 1.
99. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 26, л. 1.
100. "Мдивани [в] Александрополе, непосредственной связи с ним нет, добиваюсь через Леграна", находящегося в Эривани, — телеграфировал Г. К. Орджоникидзе И. В. Сталину 27 ноября 1920 г. (РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 26, лл. 3–4).
101. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 245. См. также там же, ф. 85, оп. 14, д. 17, лл. 21, 24.

102. Данное обстоятельство особенно ярко проявилось в его последующих сообщениях из Александрополя (см. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 246, 251; 85, оп. 14, д. 17, лл. 21, 24; д. 27, л. 1; оп. 15, д. 62, л. 4).
103. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 27, л. 1.
104. РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 82, л. 1. См. также ссылку № 93 настоящих Примечаний.
105. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 34, л. 68. Относительно дальнейшего хода российско-турецких переговоров по территориальным вопросам см. "Вестник общественных наук" НАН РА, Ереван, 1999, № 1, с. 183–187; Մրճաշար և Մրջին Արևելքի երկրներ և տիրույթներ, Вып. XX, Ереван, 2001, с. 106–124, а также труды Г. А. Аветисяна, Г. А. Галояна, Э. А. Зограбяна, Г. Р. Симоняна и Н. Ю. Ульченко.
106. АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 6. Фрагмент документа впервые был опубликован акад. Г. А. Галояном в 1967 г.
107. АВП РФ, ф. 0209, оп. 1, п. 1, д. 10, л. 88.
108. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 254.